

ШУРА КЕЙПЕР

Отец

БОЛЬШАЯ

Встречное движение

Шурд Кёйпер

Отель «Большая Л»

«Самокат»

2014

УДК 821.112.5-343.4-93
ББК 84(4Нид)-442

Кёйпер Ш.

Отель «Большая Л» / Ш. Кёйпер — «Самокат»,
2014 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-91759-811-6

Мир тринадцатилетнего Коса в эти майские недели переворачивается вверх тормашками: папа опасно заболевает, девочка, в которую он влюблен, трижды порывает с ним, отель, которым он вместе с сестрами вынужден заниматься в отсутствие взро слых, могут отобрать за долги, и приходится одновременно участвовать в отборочном футбольном матче, чтобы попасть в команду своей мечты, и в девичьем конкурсе красоты, чтобы расплатиться с кредиторами. И все же эта книга не о злоключениях подростка, не о трудностях переходного возраста — она о любви. Здесь все пропитано любовью, здесь все любят и страдают, здесь любовь прорастает и расцветает на самой неподходящей почве, делает жизнь героев осмысленной и напоминает, что сердце — не мышца, которая качает кровь, а голос, который поет.

УДК 821.112.5-343.4-93
ББК 84(4Нид)-442

ISBN 978-5-91759-811-6

© Кёйпер Ш., 2014
© Самокат, 2014

Содержание

Папа – единственный, кому можно ерошить мои волосы	6
Я не знаю девочки красивее Изабель	10
По-моему, белизна больничных постелей заразна	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Шурд Кёйпер Отель «Большая Л»

Эта книга посвящается моей жене Маргье

Ну что, фурычит или нет? Пишет? Раз-раз... Раз-два... Минуточку... [Щелк.] Ага, порядок. Будто мой голос намотали на ленту серпантина.

Если верить Валпюту, этой штуке шестьдесят лет. Я еще уточнил, на чем она работает – на масле или на газе, но, оказывается, из нее торчит вполне обычный шнур с вилкой.

Теперь пора начать мой дневник. Мой катушечный дневник. Я сказал Валпюту, что дневники ведут (и стихи пишут) девчонки, не мальчишки. Валпют ответил: «Мальчишки – нет, а вот взрослые мужики – да. Занятно, правда?» Он утверждает, что дневник помогает привести мысли в порядок. Но я не уверен, остались ли у меня еще мысли. Или это и есть мысль?

Я так устал, что не могу заснуть. Оказывается, такое и вправду бывает. Я думал, это стариковская напасть. Йес! Вот это точно мысль! Сегодня мы стали чемпионами, у отца случился сердечный приступ, мы ездили в больницу и продержали отель на плаву до одиннадцати вечера, пока бар и ресторан не опустели, а потом еще и посуду перемыли. Я едва стою на ногах, но голова моя никак не уgomонится. Ну то есть закрываешь глаза, мир окутывает тьма, а у тебя в голове по-прежнему горит свет. А Пел еще хотела завести будильник на шесть утра!

Меня окружают три сумасшедшие девчонки и трое полудохлых мужиков. Спокойной ночи, хороших снов! Сегодня я чуть нюни не распустил, так что от дневника хуже не будет. С кем поведешься, от того и наберешься. Похоже, я превращаюсь в девчонку. Полудохлую девчонку. Кос, кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Полудохлой девчонкой. Ну ладно. Поехали...

Папа – единственный, кому можно ерошить мои волосы

12 мая, воскресенье

Утро началось идеально. Будто лето пришло. В такой день радуешься, что живешь у моря: сплошная свежесть вокруг. На тростнике в дюнах и на стульях террасы еще не высохла роса, из-под земли выползает громадное солнце, ты стоишь у себя на балконе и машешь руками, а твоя тень на пляже машет в ответ. Воздух ласково пощипывает кожу. Небо чисто-голубое, пляж еще пуст. Только море лежит себе и дышит, и ты знаешь, что так будет всегда. Ну вроде того...

Я рано проснулся и тут же натянул футбольную форму. Мыться было необязательно – после матча все равно в душ. Папа поднялся еще раньше меня. Стоял на стремянке и, насвистывая, менял на фасаде название нашего отеля. Он собирался это сделать сразу после маминей смерти, но руки не доходили. Такой уж это был день: хотелось осуществить грандиозные планы. Стать чемпионом. Влюбиться. Написать свое имя баллончиком на Луне. Буквы старого названия – «Морской пейзаж» (это я о нашем отеле) – стояли на земле, а отец уже повесил четыре новых. Над входом значилось: *Отель Боль*. Что ж, тоже неплохо.

Помогать папе мне никогда не разрешалось: детству полагается быть беззаботным. И я пошел за угол тренировать удар по воротам. Шипы на подошвах звонко постукивали по брусчатке. Я забил три гола подряд четко в верхний угол. Если мы и продумем, то не по моей вине. А вот четвертый мяч перелетел через ворота, и я занервничал. Пора было ехать. Тот, кто выходит слишком рано, почти никогда не опаздывает. Но отец хотел во что бы то ни стало повесить название целиком. У него всегда дел по горло, вечно он носится туда-сюда, – у меня при одном взгляде на него пот на лбу выступает. Оставались четыре буквы. Столько времени у нас не было. Последней он водрузил на место букву «Л». *Отель Большая Л*. Тоже хорошо.

А потом день родился по-настоящему. Со всех сторон стали появляться люди. Словно кто-то взял и прикрыл ночь крышкой.

Первым, как обычно, пришел Феликс – красиво одетый, в дорогих ботинках, с окаменевшими от геля волосами. Из-за всего этого великолепия он выглядит намного старше своего возраста – на самом деле ему лет двадцать пять, не больше. Феликс благоухал, как весенний луг в цвету. Отец крикнул сверху, чтобы Феликс сегодня сам сварил кофе, все едут на игру. Потому что сегодня – важный для меня день. Мы с Феликсом стукнулись кулаками, и он зашел внутрь.

Тут у себя в комнате запела Брик. Слышно было хорошо, даже сквозь закрытое окно. Брик хлестала по струнам маминой гитары и выводила свою коронную песню. [*Кос поет. Ха!*]

У Белоснежки депресняк...
У Белоснежки депресняк...
Молча в гробу она лежит,
От одиночества грустит.
У Белоснежки депресняк...
У Белоснежки депресняк...
Где же ты, принц, приди скорей
И поцелуем обогрей!
У Белоснежки депресняк...

Люблю я эту песню, сам не знаю почему. Ну идет она Брик, с ее готическим прикидом. Я позвал Пел, но Брик так разошлась, что та меня не услышала. А время поджимало.

На дюну вскарабкалась старая «лада». *[Вы знаете, что это за Лада такая? А вот я не знала. Пришлось залезть в интернет. Оказывается, это марка русского автомобиля.]* Она остановилась у отеля. *[Это он про «ладу».]* Из салона выскочила сердитая женщина и широкими шагами направилась ко входу. И тут неожиданно из машины вылез Валпют в своем длинном кожаном плаще. Его седой хвост растрепался на ветру.

Точно, это его дочь, я видел ее однажды.

Папа радостно приветствовал Валпюта со стремянки. Это он сделал зря: женщина его заметила.

– Нам надо поговорить. Прямо сейчас!

От такого голоса, как у нее, мрут небольшие млекопитающие.

Тут из отеля вышли две женщины и поинтересовались, даем ли мы напрокат велосипеды, на что я предложил достать их из гаража, но отец не согласился. Он слез со стремянки:

– Детям работать не полагается. Им полагается наслаждаться жизнью.

Я же говорю!

Дочь Валпюта схватила отца за руку, но он вырвался и направился к гаражу.

Я еще раз позвал Пел. Она опять меня не услышала, так что пришлось лезть наверх по стремянке.

Я постучал в окно, и оно тут же распахнулось – от испуга я чуть не сверзился. Пел опять вся была в маме. Пижаму ей заменяло мамино платье, а в ее комнате играла мамина песня. *[Кос снова поет!]*

Четыре поросенка
Купаются в бочонке.
И что, скажи, тут странного?
Что странного? А то,
Что есть пи-пи-пи-писка
Всего у одного.

Я сказал ей поторопиться и спросил, готовы ли к выходу Брик и Либби. До отъезда оставалось пять минут. Но сестры с нами ехать не собирались (как же я сразу не догадался!).

– Брик в печали, а Либби нужно делать уроки, – сообщила Пел.

Она подошла к фотографии мамы на прикроватном столике. Я впервые заметил, что на фото мама в том же платье, в котором Пел повадилась спать.

– Кос сегодня станет чемпионом, – рассказала фотографии Пел.

Выслушав ответ, она кивнула и вернулась к окну.

– Мама думает, что ты сегодня забьешь десять голов.

– Три, – возразил я.

Пел добавила:

– Мне тоже надо делать уроки, и я тоже в печали.

И так быстро захлопнула окно, что я снова чуть не грохнулся с лестницы.

От сестер толку маловато. Кто-нибудь хоть раз слышал, чтобы известный футболист рассказывал о своих сестрах? Мне кажется, это неслучайно. Девять месяцев я надеялся, что Пел окажется мальчиком: мы бы вместе играли в футбол, может, даже за один клуб, а потом и в голландской сборной. Но Пел – девочка. Милая, но меня не очень понимает. Ну и ладно. Пусть они с Либби и Брик все делают втроем. Может, они думают, что однажды будут вместе играть в мюзикле, ну или о чем там мечтают девчонки. Или что они выйдут замуж за одного и того же

парня. Они есть друг у друга, а у меня есть папа. Так было последние три года, и пожалуйста, пусть так будет и дальше. Пли-и-из!

Папа беседовал с Валпютом и его дочерью. То есть как беседовал: дочь орала, Валпют стоял рядом, как набитый опилками кролик, а папа слушал. С его шевелюры капал пот.

– Но... но... но... – спотыкался он, будто пытаясь забить гвозди в бетон, – но я ведь вам все отдам, как только смогу. Честное слово...

– Это издевательство над пожилыми людьми! – вопила дочь. – К тому же...

Она махнула рукой Валпюту – мол, и ты не молчи.

– А, да! – спохватился он. – Бензин дорожает с каждым днем.

– Вот-вот! – воскликнула дочь. – И еще...

Валпют призадумался.

– А, да! И кошачий корм тоже.

Видно было, что ему хотелось провалиться сквозь землю. Да и есть ли у него вообще кошка? Его дочери это бы не понравилось. У нее вроде собака. Которую Валпют боится. Спасибо Валпюту за магнитофон, но я никогда не дам ему послушать, что я тут записываю.

Отец потянул Валпюта за собой в отель.

– Прошу тебя, – сказал он, – у нас сегодня все битком, ни одного свободного столика.

Дочь, ворча себе под нос, поплелась к «ладе», а я – к папиной машине. Я хотел было сесть, но дверцы были заперты. На всех сиденьях, кроме водительского, высились коробки с продуктами.

Когда папа вышел из отеля, дочь опять принялась его утешить:

– Сегодня не заплатишь – завтра я его на работу не пушу!

Папа не реагировал. Он вопросительно посмотрел на меня.

– Либби надо делать уроки, а Брик в печали, – объяснил я. – И Пел тоже надо делать уроки, и она тоже в печали.

Папа втиснул коробки с переднего сиденья между лежавшими сзади, сел за руль, завел мотор и зажег сигарету. Потел он еще пуще прежнего, будто принял душ не раздеваясь – и не вытерся. Я сел рядом.

Мы съехали с дюны, и я обернулся. Сестры вышли из отеля. Либби и Пел в купальниках, Брик вся в черном.

– Сначала они немного позагорают, – объяснил я.

– Ох уж эти девчонки... – вздохнул папа и улыбнулся.

Своих девчонок он обожает, сразу видно. Но я это и так знаю.

Мы въехали в польдер¹. Я спросил, из-за чего злится дочь Валпюта.

– Ерунда, – ответил папа, – не бери в голову. Валпют – старый хиппи, в банки не верит, требует, чтоб ему платили наличными. Чтобы в карманах шуршало и позвякивало. Но в кассе сейчас пусто. Сегодня вечером заработаем достаточно, и я ему заплачу.

Ясно, подумал я. Тогда мне еще все было ясно. Откуда мне было знать? Теперь-то я знаю побольше. Лучше б не знал.

Папа взъерошил мне волосы.

[Валпют работает поваром в отеле у папы Коса. Он и правда ужасно старый. Дневники люди ведут для себя и поэтому ничего не объясняют. Но раз уж этот дневник станет книгой, читателю стоит знать, что Валпют – повар, а Феликс вечно сидит в баре отеля – с раннего утра до поздней ночи. И смотрит на море. Никто не знает почему. В отеле он не ночует. Где он живет – неизвестно. У Коса три сестры – Либби (ей девятнадцать), Брик (ей пятнадцать) и Пел (ей девять). Косу тринадцать. И мне тоже. Если всего этого не знать, то у вас голова может пойти кругом и вам расхочется читать дальше, потому что тут сам

¹ Польдер – осушенный участок, расположенный ниже уровня моря и защищенный плотинами от наводнения.

черт ногу сломит. А жаль, ведь это потрясающая история, правда! Мама Коса умерла. Но пусть Кос сам об этом расскажет. У него это получится куда лучше.]

Папа должен ездить со мной на футбол каждую субботу или воскресенье, это важно, но сестры мне там нужны, как пенальти в мои ворота. Если бы они внезапно появились у поля и стали выкрикивать всякие глупости, мы бы, скорее всего, продули ноль – семь.

Мама тоже практически никогда не приезжала на матчи, и хорошо, что не приезжала. Пел тогда была совсем маленькой, да и Либби с Брик еще нельзя было оставлять одних. Сейчас тоже нельзя, но они, конечно, так не считают. А что им еще остается?

Когда мама рассказала нам, что у нее рак и она умрет, я прорыдал всю ночь. Она меня утешала. А ведь это я ее должен был утешать. Но когда она умерла, я не плакал, и на ее похоронах тоже, и потом больше ни разу. Ни о чем. Я так решил. Однажды я сломал запястье, но ни слезинки не проронил. Потому что мама больше не могла меня утешить. Она здорово умела утешать. Каких-нибудь полчаса – и ты уже корчишься от смеха. А вот папа – неуклюжий утешитель. Просто у него опыта мало. Нас всегда утешала мама, а после ее смерти мы больше не плакали. Либби считает, что она осталась за маму, а мамы не плачут, Брик слишком сердита, чтобы плакать, а Пел думает, что мама все равно живет. На фотографиях, в старых платьях или в животных. У Пел такое богатое воображение, что порой мне кажется – она и саму себя нафантазировала.

Если у тебя умерла мама, то у твоего папы больше нет жены. И ты не плачешь, ведь ты не хочешь расстраивать папу еще сильнее. Папа – единственный, кому можно ерошить мои волосы. Иногда я думаю, что он мой лучший друг, но это не так, потому что он намного больше чем друг. Он всегда рядом. Если поссориться с другом, тот может уйти и не появляться несколько дней, а то и вообще никогда. Отец не уйдет. Во всяком случае, мой отец. Отца можно потрогать и крепко обнять, а он прижмет тебя к своему большому телу. С другом так не пообнимаешься. И ты знаешь, что, если кто-то вдруг расстреляет в тебя всю обойму пистолета, отец выскочит перед тобой и подставит под пули свою грудь. Просто знаешь, и все. И я бы сделал для него то же самое. Наверно. Да нет, точно. Я бы все для него сделал. Сделаю. Я сделаю для него все.

Мы слишком быстро переехали через «лежачего полицейского» на выезде из деревни – и оба треснулись головой о крышу. Сигарета вылетела из папиного рта и упала на пол. Он попытался поднять ее и отвел взгляд от дороги. Я принял на себя руль. Это мне не впервой. Я сказал, что «Большая Л» – странноватое название для отеля.

– Ты просто неправильно его произносишь, – ответил папа. – Нужно говорить «Отель Большая Эль». Получается в рифму. А слово на «Л» можно придумать какое угодно.

Так мы и сделали. Чего мы только не навывдумывали! Отель «Большая льдина», «лодка», «лопата», «лягушка», «людоедка», «лилипутка», «лапа», «лотерея»... отель «Большая ложка». Мы хохотали до упаду, но слова, которое вертелось на языке, никто из нас не произнес. Папа сказал только:

– Ох уж эти мужики...

Бывают дни, когда знаешь, что способен на все. Что умеешь летать. Что стоит тебе коснуться мяча, и он – бах! – окажется в воротах противника. То воскресенье и было таким днем.

Конечно, где-то еще такой же, как я, мальчик с таким же, как у меня, отцом ехал на стадион и чувствовал ровно то же самое. Игрок команды-соперника. Что ж, не повезло ему.

Я не знаю девочки красивее Изабель

Матч получился неожиданным. На выезде мы уделали этих ребят пять – один, но в этот раз никак не могли прорваться сквозь их оборону. То ли они заиграли намного лучше, то ли мы – из-за мандража – намного хуже. Мы даже почти не атаковали. В отличие от них. Спасало нас одно: Джеффи метался в воротах как разъяренный тигр. Я же по большей части маялся в центре поля в ожидании передачи. Безрезультатно. Папа стоял рядом с воротами противника и время от времени кричал: «Пасуйте Косу! Ну же, ребята! Он свободен!» Да и все видели, что я свободен, но передать мне мяч не могли. Мне это надоело до чертиков. Но кто же стоял рядом с папой?

Изабеллебеллебель!!!

Я не знаю девочки красивее Изабель. На уроках я частенько на нее посматриваю, когда она не замечает, но она все равно заметит, и взглянет в ответ, и улыбнется – и становится еще красивее. И я начинаю краснеть, как идиот. Ну почему нельзя нажать кнопку где-нибудь на носу и отключить этот чертов румянец?! Или потянуть себя за ухо. И принять невозмутимый вид. А я, наверное, похож на морскую свинку, которая пытается сосчитать, сколько будет один минус один. И когда наконец до нее доходит, что ноль, думает, что это про нее.

Когда Изабель стоит у боковой линии и болеет за брата, я вспыхиваю не меньше обычного, но, по крайней мере, на поле я далеко. Бывает, она мне машет, и у меня едва не взрывается голова. Приходится хлопать по ней руками, чтобы затушить пылающие волосы. И первый гол я всегда посвящаю маме, второй – папе, а третий – Изабель.

Но тем утром посвящать было нечего и некому. Я почти заскучал, болтаясь посреди поля. Глянул в сторону Изабель и папы – и увидел, что они разговаривают. Интересно, о чем?

[Отец Коса стоял рядом со мной. В одной руке он держал полусъеденную копченую сосиску, в другой – банку пива и сигарету. Я рассказала ему то, что узнала от брата: среди зрителей сегодня – агент «Аякса». Папа Коса враз поперхнулся сосиской, дымом и пивом:

– Где?!

Я показала на седого мужчину, который стоял у средней линии, засунув руки в карманы плаща.

– Вот так штука, – выдохнул папа Коса, закашлялся и внимательно посмотрел на меня. – А ты ведь сестра...

– Ричарда.

Ричард – капитан команды.

Тут я сказала, что курить вредно для здоровья, и сама испугалась, что ляпнула такое едва знакомому взрослому мужчине. Он внимательно на меня поглядел. Сейчас он мне задаст, подумала я. А он возьми и скажи:

– Девочка, да от тебя глаз не оторвать!

Как я обрадовалась! Давно мечтаю услышать что-то подобное от Коса, но он все молчит. Может, трусит, а может, я ему не нравлюсь.

Тогда я еще не знала того, что знаю сейчас. Видели, как эта глава называется?

– Спасибо, – ответила я, надеясь, что вкусы отцов и сыновей совпадают.

Папа Коса спросил, всегда ли я прихожу поддержать брата. А я возьми и признайся:

– Не брата – Коса.

– Ах вот как... – протянул он.

И видно было, что он понял.

Внезапно он завопил:

– Вперед! Вперед!

Ричард жახнул по мячу, тот упал рядом с Косом, и он... Я до сих пор не понимаю, что Кос сделал. Он сам сейчас расскажет, я все равно до конца не поняла. Но это было гениально, потому что агент «Аякса» достал из кармана записную книжку и что-то застрочил.]

Я взглянул на табло. Все еще ноль – ноль. Делать им там, наверху, сегодня особо нечего. Часы отсчитывали время. Кажется, оставалось три минуты и сорок три секунды. Изабель с отцом вели душевную беседу. Я заметил, что она чему-то обрадовалась. Ни разу я еще не разговаривал с ней так долго, как папа сейчас. Надо бы спросить, как ему это удается.

Чего бы я хотел от Изабель? Думаю, всего лишь быть с ней рядом и не краснеть. Вот просто быть рядом с ней и чувствовать такую легкость в голове, от которой хочется петь. Говорить с ней. Без опаски делиться всем, о чем я думаю. Но, похоже, на этом свете запрещено изобретать хоть что-нибудь новое. Если бы мы с Изабель были вместе, то мне, уж конечно, пришлось бы держать ее за руку, объясняться в любви и целовать. Но этого я не хочу! Я даже не знаю, люблю ли ее, потому что понятия не имею, каково это. Если для этого обязательно целоваться – спасибочки, обойдусь как-нибудь. А может, любовь – это когда хочется быть вместе всегда, не отходить друг от друга ни на шаг. Так было у мамы с папой. Просто у Изабель такое милое лицо, что хочется рассматривать его вблизи. И слушать, что она говорит. Пусть бы она рассказывала что-нибудь совсем обычное. Про бабушку с дедушкой. Неважно. Как она провела каникулы. И мы бы сидели рядышком на дюне и просеивали бы песок сквозь пальцы. Или в дождь укрывались бы под навесом. И смеялись бы шуткам друг друга.

Но я сомневаюсь, что наши желания совпадают. Наверняка Изабель хочется чего-то другого, как и всем девчонкам. Такой, как я, ей не нужен. С таким, как я, ей скучно. Со мной и вправду скучно. *[А вот и нет!]* Дал бы я ей послушать эту пленку? Наверняка нет. *[А вот и да!]*

Я очнулся от папиного крика:

– Вперед! Вперед!

Одна минута семь секунд. Мяч высокой дугой летел ко мне. Кажется, от Ричарда. Во всяком случае, сзади, с правой стороны. Их крайний защитник ринулся ко мне. Он был года на три старше и на две головы выше меня, с усами и бакенбардами – полный джентльменский набор. Я стоял ближе к месту, куда должен был приземлиться мяч, и кинулся туда. Но как завладеть мячом? Надо было повернуться и отбить его грудью, но тогда усатый догнал бы меня. Я вдруг понял, что делать. И знал, что смогу: однажды на тренировке мне это удалось. Я метнулся еще быстрее, чтобы мяч приземлился чуть позади меня. Все вышло как надо. Когда мяч находился в полуметре от земли, сзади и справа от меня, я выставил ногу назад и отбил его вправо внешней стороной бутса, так что он красивой дугой перелетел через голову противника. Я промчался мимо него, принял мяч верхней частью стопы, пнул его и побежал. Все это происходило в центре поля, так что бежать было неблизко. Я увидел, что вратарь вышел из ворот, но заколебался. Это означало, что их защитник совсем уже рядом. Я слышал, как трава шелестит у него под ногами. Вратарь вернулся в ворота, снова вышел вперед и внезапно побежал мне навстречу. Это усложнило ситуацию. Я вбежал в штрафную площадь. Что теперь? Бить слева? Справа? Парашютом?

Когда рассказываешь, выходит долго, но думаем-то мы гораздо быстрее. Так что все эти мысли действительно промелькнули у меня в голове. Если бы можно было думать о том, что произошло сегодня, и одновременно как-то фиксировать это на пленке, я бы уже давно закончил. И спокойно спал бы. Хотя нет, я бы ворочался в постели и думал о папе. Смертельно усталый, но сна – ни в одном глазу.

Тот крайний защитник – вылитый зомби! – сам помог мне с выбором. Он ухватил меня за футболку. Всего на секунду. Но все же. Клянусь, я на миг потерял равновесие! Наверно, я смог бы устоять на ногах. С трудом. Но шанс был бы упущен. И я упал. Покачиваясь, сделал еще несколько шагов и упал. Даже удержись я на ногах, зомби все равно совершил нарушение, так что какая разница? Но арбитр мог бы этого не заметить. Так что разница все-таки есть.

Однако я не думаю, что все, что было дальше, случилось из-за того, что я решил упасть. Это произошло бы и если б я просто забил гол – слева, справа или парашютом, я уверен. Абсолютно уверен. Это я так, чтоб все знали.

В общем, я это сделал. Я решил упасть, и так на моем месте поступил бы каждый. Я упал как подкошенный. Так сказал бы Феликс: Кос упал как подкошенный. Это он меня научил так говорить. Я упал как подкошенный, арбитр засвистел и указал на одиннадцатиметровую отметку.

Подняв голову, я увидел, что папа и Изабель радостно выплясывают рядом с воротами и, разбрызгивая вокруг себя пиво, распевают «We are the champions»². Все мчались к полю, а дети даже выбежали прямо на него, чтобы лучше видеть. Ричард стоял у меня за спиной. Он ободряюще кивнул мне. Это он молодец. Я положил мяч на отметку. Выпрямившись, я увидел, что Изабель снимает все мобильным. Я подмигнул ей. Если ты не герой, нужно постараться им стать. Хотя бы в глазах одного человека. Я подмигнул, и в эту секунду сосиска и пиво выскользнули у папы из рук, он схватился за грудь и согнулся вдвое. Он попытался выпрямиться. Его лицо... На нем отражалась не боль, даже не испуг. Удивление. И тут он рухнул на землю. В панике завопив «Папа!», я наобум толкнул мяч носком в сторону ворот и кинулся к отцу.

[Кос долго молчит. По-моему, я слышу, как из крана бежит вода и кто-то стучит в дверь. Или пинает стену.]

Добраться до папы я не смог. Вокруг вопили и улюлюкали, будто с неба посыпались тысячеевровые банкноты, зрители выбежали на поле и схватили меня, я отбивался, но без толку, меня подняли и, подбрасывая в воздух, потащили куда-то, и я не видел папы и кричал, чтобы меня отпустили, поставили на ноги, но мои крики были не громче писка мыши в желудке у льва, и толпа, распевая «We are the champions», уносила меня все дальше и дальше от папы, а в голове у меня только и вертелось: папа умрет... папа умрет... и он тоже умрет. Все смотрели на меня и ухохатывались, думая, что я плачу от счастья, а я и не плакал вовсе. «Косси!», «Косси!», «Косси!»...

Тут завывла сирена скорой – и через полчаса я сидел в могильной тиши больничного коридора.

С золотой медалью на шее.

² «Мы – чемпионы», песня группы Queen 1977 года.

По-моему, белизна больничных постелей заразна

Когда умирала мама, меня не было рядом: все решили, что лучше мне при этом не присутствовать. Да я и сам струсил. С ней был папа. И Либби. По-моему, важно, чтобы кто-нибудь ласково на тебя смотрел, когда ты умираешь. Чтобы ты видел: этот человек рад, что ты жил. Чтобы этот человек поблагодарил тебя, даже если ты промолчишь в ответ, потому что не можешь ничего сказать. Но ты это видишь. Поэтому я обязан был быть рядом с папой. Он должен был видеть меня и то, что я его любил. Люблю. Я так рад, что все-таки успел в последний момент запрыгнуть в скорую! И папа был рад, я видел. Он мне улыбнулся. И взял меня за руку. И не отпускал, пока мы не приехали в больницу.

Там с папой стали делать всякие вещи, при которых присутствовать не разрешалось. Я сидел и ждал в коридоре. В футбольной форме, в бутсах, с грязными коленями. Только там я заметил медаль у себя на шее. Понятия не имею, кто мне ее повесил. Из папиной палаты доносились тихие голоса – папы, какого-то мужчины и женщины. Потом оттуда вышла медсестра. Я хотел ее обо всем расспросить, но она только сказала:

– Скоро придет врач.

И ушла.

Тогда я стал подглядывать. Дверь палаты была приоткрыта. Папа лежал в кровати у окна, от его тела к машинам бежали провода. В носу у него была такая штука для подачи кислорода. Выглядел он жутко больным. Но еще шевелился и разговаривал с медбратом.

– Надо было надеть кепку, – сказал он. – Это все от солнца.

– Через несколько дней мы узнаем больше, – ответил медбрат.

– Несколько дней? У меня же отель!

– У вас только одно сердце. Если оно не выдержит...

Так я и знал, я сразу понял: это инфаркт!

– Но мне было больно здесь, – папа показал на середину груди, – а сердце тут, – он ткнул пальцем левее.

– Это распространенное заблуждение, – ответил медбрат.

И папа вдруг так испугался! Он побелел как мел, серьезно. Казалось, ему лет сто.

– Пожалуйста, скажите моим детям, что все будет хорошо, – попросил он медбрата.

– Могу соврать.

– Спасибо.

Медбрат скользнул взглядом по двери и увидел меня.

– Тебя же попросили подождать в коридоре, – строго сказал он.

Я быстро помахал папе, и он помахал в ответ, не поднимая руку с кровати.

Опять я сидел в коридоре. Сестры еще не пришли. А что если они опоздают?

Мне так хотелось быть с папой! Он, конечно, не при смерти, но мама тоже долго не умирала, хотя мы уже знали, что это неизбежно. Тогда хочешь не хочешь, а становишься другим человеком. Иногда мы забывали об этом, но, когда она вдруг улыбалась, мы знали: улыбаться ей осталось недолго. Вот и теперь мне было страшно. В скорой папа мне улыбался и даже шутил, но видно было, что он тоже боится. И он отчего-то выглядел ужасно усталым. По-моему, белизна больничных постелей заразна.

«У вас только одно сердце», – сказал медбрат. Лучше бы у человека были два сердца и одна ноздря, но я тут не главный.

Если папа умрет, мы останемся сиротами: ни дядей, ни тетей у нас нет. Мама и папа были единственными детьми, поэтому сами родили четверых. Если папа умрет, то кроме нас самих у нас никого не останется. Вот был бы у меня старший брат!..

Так думал я в коридоре, но не успел додумать, как явились сестры. Впереди, как полагается матери, шагала Либби. Рядом, держа ее за руку, скакала Пел. За ними следовала Брик в полном боевом облачении – размалеванная, со всеми своими цепями, браслетами и пирсингом. Все это блестело и переливалось в противном свете больничных ламп. Брик надела свою самую короткую юбку.

Пел подбежала ко мне.

– Папа уже умер? – поинтересовалась она чуть ли не с надеждой в голосе.

Я спросил, где они так долго пропадали.

– Брик надо было нарядиться, – сообщила Пел.

– Да вы сдурели? – рассердился я. – Не в театре же!

– Знаешь, что мы сейчас видели? – вступила в разговор Брик. – Палату, где мама...

Не в силах продолжать, она сжала зубы и показала туда, откуда они пришли. Она имела в виду палату, где мама лежала перед смертью.

– Мама не умерла, она изменилась, – заявила Пел.

Такое она говорит часто. И верит в это. Мы с Либби не хотим ее разочаровывать, но Брик подобные заявления на дух не переносит.

– Да уж, довольно сильно изменилась, – желчно ответила она.

Под глазами у нее растеклась тушь.

Медбрат поманил нас в палату.

– А ну соберитесь! – приказала Либби. – Брик, держи себя в руках, Пел, веди себя нормально.

Папа сидел в постели. Рубашки на нем не было, грудь была вся заклеена проводами. На лице у него играла широкая улыбка. Будто уголки его рта были подвешены на рыболовные крючки, а сверху кто-то тянул за леску. Боже, как папа старался!

Пел тут же подскочила к нему и чмокнула в нос.

– Привет, сокровище! – сказал папа.

Либби поцеловала его в щеку и спросила:

– Ты как, ничего?

– Мне прописали лекарства, – ответил папа. – А в худшем случае сделают пластику. И тогда... – Он взглянул на медбрата.

– Ваш папа ведет не слишком здоровый образ жизни, – принялся объяснять тот. – Мы боимся, что у него забилась артерия. Она должна быть вот такой ширины. – Он раздвинул большой и указательный палец на сантиметр. – Но, возможно, она теперь такая. – Он почти соединил пальцы. – Кровь дальше не проходит, сердцу не хватает кислорода, и...

– Не будем о мрачном, – перебил его папа.

– Но мы вставим в забитый сосуд металлическую трубочку – стент, это называется ангиопластика, и сосуд опять станет вот таким. – Сантиметр.

– И тогда... – папа угрожающе взглянул на медбрата.

Тот глубоко вздохнул и закончил:

– И тогда все будет хорошо.

– Нужно только вставить стент, и здоров наш пациент! – продекламировал папа.

– Пап, да ты поэт! – восхитилась Либби и нервно захихикала. – Смотри, как бы твоя поэтическая жилка тоже не забилась!

Она махнула все еще стоявшей на пороге Брик: мол, скажи что-нибудь тоже. Что-нибудь ободряющее.

– Иначе придется тебе переквалифицироваться в... *стен*тап-комика.

Никто не засмеялся, кроме Пел, – та покатила со смеху.

– Или в его ассистента! Ассистента! – заверещала она.

Сейчас я ненавижу их, всех трех.

Я отошел к окну и отвернулся: пускай по моей спине станет ясно, как я их ненавижу.

По улице шли люди в легкой одежде и улыбались. Нельзя умирать, когда на дворе весна.

– Не сердись, Кос, – сказал папа. – Они перепугались.

Я тоже перепугался, подумал я. Но промолчал и не обернулся.

Папа спросил, кто присматривает за отелем.

– Валпют, – ответила Либби.

– О боже! – вздохнул папа. – Вам нужно позвонить в страховую компанию и объяснить...

– Погодите! – осадил его медбрат. – Сейчас лучше не говорить о делах.

Но папа сказал, что это чрезвычайно важно: мы должны позвонить в страховую компанию, все объяснить, и они пришлют временного управляющего. Он попросил Пел подать ему пиджак. Все еще икая от смеха, она послушалась. Папа вынул из кармана бумажник, и вместе с ним оттуда выпала пачка сигарет. Надо было видеть лицо медбрата! Казалось, будто у него из ушей, из носа и изо рта пошел дым, так он рассердился. Словно каждое из его ребер закурило по сигарете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.